

ЛЮДМИЛА КАРПОВА (Тарту)

СЛОЖНЫЕ ФОРМЫ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ В СРЕДНЕЧЕПЕЦКОМ ДИАЛЕКТЕ УДМУРТСКОГО ЯЗЫКА

В статье описываются сложные формы прошедшего времени, встречающиеся в среднечепецком севернудмуртском диалекте. Анализ проводится главным образом на материале, собранном автором во время научных экспедиций к чепецким удмуртам в 1987—1992 гг. В качестве дополнительного источника привлекаются фольклорно-диалектологические публикации Ю. Вихманна (Wichmann 1893; 1901) и «Образцы удмуртской речи» В. К. Кельмакова (1981).

В среднечепецком диалекте, как и в удмуртском языке в целом, сложные формы прошедшего времени образуются сочетанием спрягаемой формы основного глагола с неспрягаемой формой вспомогательных глаголов *val* и *uålem*. Подобный тип образования аналитической формы прошедшего времени в уралистике принято называть восточной моделью (Майтинская 1979 : 58; K nnap 1992 : 172), которая, помимо удмуртского языка, представлена в коми и венгерском языках. Восточная модель напоминает соответствующую модель тюркских языков в отношении следования вспомогательного глагола за основным, но не в отношении спрягаемости этих глаголов: в тюркских языках спрягается вспомогательный глагол, а основной стоит в неспрягаемой форме (K nnap 1992 : 176—177). Возникновение этой модели в финно-угорских языках исследователи, как правило, объясняют тюркским влиянием (Серебренников 1960 : 109—133; 1963 : 268—269; 1978 : 15—16; Tauli 1966 : 77; Майтинская 1979 : 58). На современном этапе подобная трактовка некоторыми лингвистами ставится под сомнение и, как мы полагаем, не без оснований. В частности, А. К ннап, освещая аналитические формы прошедшего времени в уральских языках, обращает внимание на то, что восточная модель имеет место и в самодийских, в первую очередь северносамодийских языках. Это наводит исследователя на мысль, что возникновение восточной модели аналитических форм прошедшего времени в уральских языках нельзя связывать только со сравнительно поздним влиянием тюркских языков. Вполне допустимо, что это уральское явление (K nnap 1992 : 173—179).

Аналитические формы прошедшего времени удмуртского языка не раз были объектом рассмотрения (Серебренников 1955 : 161—169; 1959 : 93—102; 1960 : 115—135; 1963 : 267—277; Насибуллин 1984 : 38—44; Загуляева 1984 : 45—48; Поздеев 1987 : 167—169; 1990а : 18—27; 1990б : 154—163). Однако до настоящего времени среди исследователей нет единодушия относительно их количества, существуют разногласия и терминологического

плана. Так, Д. Фукс (Fuchs 1954 : 152—154) и Г. А. Ушаков (1982 : 105) выделяют четыре сложные формы прошедшего времени удмуртского глагола, Б. А. Серебренников (1955 : 161—169; 1959 : 93—101; 1960 : 121—133; 1963 : 251—274) насчитывает семь. Р. Ш. Насибуллин (1984 : 38—44) выявляет еще пять аналитических форм, которые не были отмечены, на его взгляд, лингвистами. К сложным формам прошедшего времени Б. Ш. Загуляева (1984 : 52—54) относит аналитическую конструкцию с компонентом *vań* 'есть, имеется', которую И. В. Тараканов (1990 : 181) называет преждепрошедшим неопределенным временем.

Разнобой в определении количества сложных форм прошедшего времени неразрывно связан с вопросом об аналитических глагольных формах, для удмуртского языкознания спорным. Неразрешенность данной проблемы, по мнению В. В. Поздеева (1990а : 18), объясняется прежде всего неразработанностью научно-обоснованных критериев отграничения глагольных аналитических конструкций от свободных словосочетаний и других семантических образований. Действительно, ни в одной из работ вышеуказанных авторов такие критерии не даются. В. В. Поздеев (1987 : 169; 1990а : 25) предлагает семь критериев для квалификации аналитических глагольных конструкций и на их основе выделяет десять аналитических конструкций удмуртского глагола, девять из которых представляют следующие формы прошедшего времени: 1) первый плюсквамперфект, или преждепрошедшее время: *верам вал* 'он говорил раньше'; 2) второй плюсквамперфект: *верай вал* 'я сказал раньше'; 3) прошедшее многократное: *мыно вал* 'я ходил неоднократно'; 4) прошедшее длительное: *верасько вал* 'я говорил'; 5) первый плюсквамперфект абсентива: *верам вылэм* 'он, оказывается, говорил раньше'; 6) прошедшее многократное абсентива: *пуко вылэм* 'я, оказывается, сидел'; 7) прошедшее длительное абсентива: *верасько вылэм* 'я говорил, оказывается'; 8) модальное прошедшее, или модальный претерит: *ужаз луоз* 'он, наверное, работал'; 9) модальный перфект: *жадем луоз* 'он, наверное, устал' (Поздеев 1990б : 154).

Таким образом, по концепции В. В. Поздеева (1990б : 154), в качестве вспомогательных глаголов в аналитических формах прошедшего времени в удмуртском языке используются *вал*, *вылэм*, *луоз*. Эти глаголы не спрягаются и употребляются в застывшей форме третьего лица единственного числа. Сочетаясь со знаменательным глаголом в личной форме, они вносят в аналитическую конструкцию свою сему: *вал* — очевидность действия в прошлом, *вылэм* — 1) неочевидность действия в прошлом и 2) видимость действия, *луоз* — предположение, вероятность действия (ГСУЯ 125).

Выработанная В. В. Поздеевым классификация аналитических форм удмуртского глагола представляется вполне обоснованной, поэтому при рассмотрении сложных форм прошедшего времени среднечепецкого диалекта исходим из этой классификации.

Анализ имеющегося диалектного материала показывает, что из перечисленных выше сложных прошедших времен в исследуемом диалекте наиболее распространенными являются следующие: первый плюсквамперфект, второй плюсквамперфект, прошедшее многократное и прошедшее длительное. Рассмотрим парадигму спряжения и семантику употребления этих времен в среднечепецком диалекте.

Первый плюсквамперфект образуется из форм перфекта, к которым прибавляется вспомогательный глагол *val*.

Утвердительный аспект

единственное число		множественное число
1 л. <i>užam val</i> ~ <i>užaškem val</i>	'я работал (раньше)' и т.д.	<i>uža-m(mâ) val</i> ~ <i>užaške-mmâ val</i>
2 л. <i>užam(ed) val</i>		<i>uža-m(dâ) val</i> ~ <i>užall'a-m(dâ) val</i>
3 л. <i>užam val</i>		<i>uža-m(zâ) val</i> ~ <i>užall'a-m(zâ) val</i>

Отрицательный аспект

единственное число		множественное число
1 л. <i>gvgl užam val</i> ~ <i>gvgl užaškem val</i>	'я не работал (раньше)' и т.д.	<i>evgl užaške-mmâ val</i>
2 л. <i>gvgl užam val</i>		<i>gvgl užall'a-m(dâ) val</i>
3 л. <i>gvgl užam val</i>		<i>gvgl užall'a-m(zâ) val</i>

Итак, в исследуемом диалекте основной перфектный глагол в плюсквамперфекте в некоторых лицах имеет два варианта употребления: *uža-m(dâ)* и *užall'a-m(dâ)*. Наличие подобных параллельных форм связано с историей образования перфекта в удмуртском языке. Считается, что основой перфектного глагола в удмуртском языке является причастие на *-m* (Серебренников 1963 : 251), которое в среднечепецком диалекте в 1 л. и 3 л. ед. числа употребляется без личных формантов. Наличие в удмуртском языке, в изучаемом диалекте в частности, вариантной формы с *-šk* в 1 л. ед. и мн. числа объясняется влиянием формы 1 л. ед. числа настоящего времени (Серебренников 1963 : 280). Что касается перфектных форм 2 л. и 3 л. мн. числа типа *užall'a-m(dâ)*, *užall'a-m(zâ)*, то они осложнены суффиксом *-ll'*, возникшим из сочетания *lj* многократных суффиксов *-l* и *-j*: *lj > ll'* (Uotila 1933 : 389; Серебренников 1963 : 264). Наблюдения показывают, что в среднечепецком диалекте формы с *-ll'a* встречаются намного чаще, чем обычные перфектные формы. Причем следует указать, что отрицательные формы 2 л. и 3 л. мн. числа перфекта в плюсквамперфекте нами зафиксированы у носителей диалекта только в варианте с *-ll'a*. Пример: Кел. *jormon arjosj' nânzes no uatjisa keltinj' g v e l v a l a l' l' a m v a l gurtoos* 'в трудные годы [войны] даже хлеб спрятать не догады в а л и с ь односельчане'.

В утвердительной форме спряжения первый плюсквамперфект имеет следующую особенность. В отличие от южноудмуртских диалектов, в которых употребляются личные формы 2 л. ед. числа и 2 л., 3 л. мн. числа, здесь эти формы основного перфектного глагола могут выступать как с личными формантами, так и без них. Примеры: МЛуд. *sjkal b a š t i l' l' a · m z j val sošeddos, soje no vuza-zj* 'корову к у п л и было соседи, да и ее продали'; Кор. *užda kječē ke adamios kariš g o ž j a l' l' a m v a l ni madjostj* 'в позапрошлом году какие-то люди из города [Глазова] з а п и с ы в а л и уже песни'. Наши наблюдения позволяют говорить о более регулярном употреблении этих форм без личных суффиксов, чем с личными.

Отрицательные формы первого плюсквамперфекта в исследуемом диалекте, как и в других северноудмуртских, образуются, подобно второму прошедшему времени, аналитическим способом — сочетанием отрицания *gvgl* 'не, нет' со спрягаемой формой основного глагола в перфекте и вспомогательным глаголом *val*. В этом сочетании по лицам и числам изменяется основной глагол, который, как правило, в единственном числе выступает без личных показателей. Во множественном числе в форме 1 л. присутствует

личного форманта обязательно, а формы 2 л. и 3 л. могут употребляться как с личными показателями, так и без них, причем намного чаще встречаются формы без личных показателей. Примеры: Ук. *njriš gvgl v a l a l' - l' a m soos mestazes voštjnj* 'вначале не сообразили они свое место [жительства] поменять'; Пом. *odig mušćurka no gvgl š e t t i l' l' a m val pro ŋ k a o s* 'ни один улей в лесу не нашла было [семья] Прони'. Отметим, что отрицательный аспект первого плюсквамперфекта, как и перфекта, в южноудмуртских и срединных говорах, в отличие от северноудмуртских, образуется синтетическим способом — присоединением суффикса *-te* к основному перфектному глаголу.

Таким образом, в среднечепецком диалекте перфектный глагол в первом плюсквамперфекте имеет тенденцию более последовательного употребления без личных формантов; эта особенность представляет собой более позднее явление.

Первый плюсквамперфект обычно обозначает действие, которое происходило и завершилось до начала другого действия: ВУн. *ogez pije učitel'e d ž š e t s k e m v a l, kal' noš kžtsž ke žsti-zž* 'один из моих сыновей на учителя у ч и л с я, сейчас опять куда-то направили еще [учиться]'. Он может выражать действие, которое завершилось когда-то в прошлом, часто без указания момента его совершения: Пыш. *mon v e r a š k e m v a l sojin, vUNETIZ, vžldž* 'я поговорила было с ним, забыл, видимо'. Первый плюсквамперфект употребляется и в тех случаях, когда другого прошедшего времени нет и не подразумевается: Кач. *so učitel'zes mon kitiš ke a ž ž e m v a l* 'того их учителя я где-то видел было'.

Второй плюсквамперфект образуется из личных форм первого прошедшего времени и вспомогательного глагола *val*.

Утвердительный аспект

единственное число

множественное число

- 1 л. *šudi val* 'я играл (раньше)
2 л. *šudid val* и т.д.
3 л. *šudiz val*

- šudi-mž val*
šudi-dž val
šudi-zž val

Отрицательный аспект

единственное число

множественное число

- 1 л. *gž šu-dž val* 'я не играл (раньше)
2 л. *gd šu-dž val* и т.д.
3 л. *gž šu-dž val*

- gm šu-dž val*
gd šu-dž val
gž šu-dž val

Как можно заметить, парадигма второго плюсквамперфекта в исследуемом диалекте не отличается от соответствующей парадигмы других удмуртских диалектов. Особенность проявляется лишь в области акцентуации: глаголы множественного числа в утвердительном аспекте, выступающие с лично-притяжательными суффиксами *-mž, -dž, -zž*, имеют ударение на предпоследнем слоге, тогда как в большинстве удмуртских говоров в данных формах оно падает на конечный слог. Что же касается ударения в отрицательных формах второго плюсквамперфекта, то в изучаемом диалекте, как и в других удмуртских диалектах, оно находится на первом слоге основного глагола.

Это время, как и первый плюсквамперфект, может выражать действие,

совершившееся до другого действия или до момента речи: МЛуд. *zəkəz pije kirouân d i š e t s k i z v a l, sobere otsj ik kil'iz* 'мой старший сын в [Городе] Кирове у ч и л с я, потом там же остался [жить]'. Иногда второй плюсквамперфект может указать на момент совершения действия: Ук. *starike tuljs tros ne čorig š e t t i z v a l* 'мой муж весной довольно много рыбы наловил (нашел) было'.

Прошедшее многократное образуется сочетанием личных форм глаголов будущего времени с вспомогательным глаголом *val*.

Утвердительный аспект

единственное число

множественное число

1 л. <i>todo val</i>	'я знал (неоднократно)'	<i>todo-mâ val</i>
2 л. <i>todod val</i>	и т.д.	<i>todo-dâ val</i>
3 л. <i>todoz val</i>		<i>todo-zâ val</i>

Отрицательный аспект

единственное число

множественное число

1 л. <i>ug to-dâ val</i>	'я не знал'	<i>um to-de val</i>
2 л. <i>ud to-dâ val</i>	и т.д.	<i>ud to-de val</i>
3 л. <i>uz to-dâ val</i>		<i>uz to-de val</i>

В рассматриваемом диалекте спряжение глаголов прошедшего многократного времени почти полностью совпадает с соответствующими формами литературного языка и других удмуртских диалектов. Своеобразие проявляется лишь в постановке ударения в основных глагольных формах с лично-притяжательными суффиксами *-mâ, -dâ, -zâ* на предшествующий этим суффиксам слог. В отрицательных формах глаголов прошедшего многократного времени ударение находится, как и в остальных удмуртских диалектах и литературном языке, на первом слоге основного глагола.

Наиболее распространенным случаем употребления этого прошедшего времени является обозначение неоднократно повторявшегося действия в прошлом: Люм. *sere so čužjemez kâktoj-kujinnoj kotsa v o z o z v a l perešmâ* 'потом этот солод два-три дня замачивая д е р ж а л а наша бабушка'.

Прошедшее длительное образуется из спрягаемой формы основного глагола в настоящем времени и вспомогательного глагола *val*.

Утвердительный аспект

единственное число

множественное число

1 л. <i>turnaško val</i>	'я косила'	<i>turnaško-mâ val</i>
2 л. <i>turnaškod val</i>	и т.д.	<i>turnaško-dâ val</i>
3 л. <i>turna val</i>		<i>turnalo val</i>

Отрицательный аспект

единственное число

множественное число

1 л. <i>ug tu-rnaškâ val</i>	'я не косила'	<i>um tu-rnaške val</i>
2 л. <i>ud tu-rnaškâ val</i>	и т.д.	<i>ud tu-rnaške val</i>
3 л. <i>ug tu-rna val</i>		<i>ug tu-rnalo val</i>

В спряжении среднечепецких глаголов прошедшего длительного вре-

мени отличий по сравнению с другими удмуртскими диалектами не наблюдается. Особенность и здесь проявляется в постановке ударения: в утвердительном аспекте в глагольных формах с суффиксами *-mâ*, *-dâ*, *-zâ* ударение находится на предыдущем этим суффиксам слоге.

Прошедшее длительное время обозначает продолжительное действие в прошлом, не ограниченное какими-либо рамками: Гул. *akajaškaje čužmasa kureg puz p a z̄ z̄ a l o v a l 'v* акаяшку покрашенные в желтый цвет яйца р а з б р а с ы в а л и [на вспаханный участок]'. Глагол в форме этого времени употребляется и в тех случаях, когда за одним действием следует другое, вытекающее из первого: Тук. *saldat kâz vit' ar služit' karâsa l â k t e v a l m n o pinalze n o u g n i t o d m a v a l 'с*олдат, двадцать пять лет отслужив, в о з в р а щ а л с я [домой] и своего ребенка не узнавал'. Прошедшее длительное время может выражать действие, противоположное по своему характеру другому действию: ВПар. *šo-taki d'erevñajân šijon-juon š e d' e v a l a g o r o d â n v o j n a b e r e š i j o n p o n n a š e k â t v a l* (Кельмаков 1981 : 41) 'все же в деревне еду можно было найти (еда и м е л а с ь), а в городе после войны с продовольствием было трудно'.

Формы первого плюсквамперфекта абсентива, прошедшего многократного абсентива и прошедшего длительного абсентива в исследуемом диалекте встречаются относительно редко. Семантика употребления их такая же, что и у соответствующих неабсентивных форм, но с той разницей, что во всех значениях абсентивных форм присутствует модальный оттенок неочевидности действия. Примеры: первый плюсквамперфект абсентива (форма перфекта + вспомогательный глагол *vâlem*): Пыш. *ti šarâš o l' o š k â l e m v â l e m n i 'o* вас Алеша, о к а з ы в а е т с я, у ж е с л ы ш а л'; прошедшее многократное абсентива (личные формы глаголов будущего времени в сочетании со вспомогательным глаголом *vâlem*): УКар. *uall'o šuane valen m â n o z â v â l e m 'r*аньше на свадьбу на лошадях, о к а з ы в а е т с я, е з д и л и'; прошедшее длительное абсентива (личные формы глаголов настоящего времени в сочетании с вспомогательным глаголом *vâlem*): Гул. *uâškala udmort'foslen šemjajazâ kâz vit' adami n o l u e v â l e m 'v* старину [количество людей] в семье удмуртов (у древних удмуртов) до двадцати пяти человек даже д о х о д и л о, о к а з ы в а е т с я'. Парадигма спряжения основных глаголов в абсентивных прошедших временах не отличается от таковой неабсентивных времен.

Относительно редкое употребление форм первого плюсквамперфекта абсентива, прошедшего многократного абсентива и прошедшего длительного абсентива в среднечепецком диалекте, как и в удмуртском языке в целом, по-видимому, обусловлено функциональной особенностью этих времен: они используются для выражения неочевидности действия и имеют место только тогда, когда говорящий, констатирующий результат действия, сам не является его очевидцем.

Формы модального претерита и модального перфекта в описываемом диалекте нами не зафиксированы.

Обращает на себя внимание тот факт, что в произведениях устно-поэтического творчества, судя по анализируемым фольклорно-диалектологическим материалам Ю. Вихманна (Wichmann 1893; 1901) и В. К. Кельмакова (1981), предложения со сложными формами прошедшего времени встречаются довольно редко. Например, в текстах Ю. Вихманна по интересующему нас диалекту из сложных прошедших времен отмечаются только первый плюсквамперфект, прошедшее длительное и прошедшее длительное абсентива, причем

их употребление ограничивается несколькими примерами. В частности, первый плюсквамперфект представлен двумя примерами, прошедшее длительное — четырьмя, прошедшее длительное абсентива — двумя. Примеры: *mon t' ś a k l a m v a l t̃ñd̃ p̃e r a s̃ v a ĩñ?* (Wichmann 1893 : 110) 'я думал тебе жену привести'; *mon toñe, t' ś a k l a ś k o v a l, toñ mone med̃ ŋatod val* (Wichmann 1893 : 110) 'я (тебя) думал, ты меня пусть похоронишь'; *odig murt vina j u e ṽ ž l e m j u n* (Wichmann 1901 : 120) 'один человек вино, о казывается, пил сильно'. В текстах В. К. Кельмакова (1981) по среднечепецкому диалекту обнаруживается всего два примера на употребление первого плюсквамперфекта абсентива и девять — на употребление прошедшего длительного времени, например, Тук. *a gurt̃ñ b̃e r d̃ā s̃ a v i s̃ t̃ e m i l' l' a m ñi ṽ ž l e m* (Кельмаков 1981 : 39) 'а дома от плача ума [чуть не] лишились, о казывается'; ВПар. *ladno kot' z̃e k e z, ž e ñ a j e, j u r t t e ñi v a l* (Кельмаков 1981 : 41) 'хорошо хоть, старший, Женя, уже помогал'. Неравномерность употребления сложных форм прошедшего времени в произведениях устно-поэтического творчества обусловлена, по-видимому, стилевым фактором, а также и жанровыми особенностями этих произведений.

Таким образом, как показывает материал, из сложных прошедших времен в среднечепецком диалекте обнаруживаются первый плюсквамперфект, второй плюсквамперфект, прошедшее длительное, прошедшее многократное, первый плюсквамперфект абсентива, прошедшее многократное абсентива, прошедшее длительное абсентива, причем наибольшее распространение имеют первый плюсквамперфект, второй плюсквамперфект, прошедшее многократное и прошедшее длительное. Формы спряжения времен не имеют больших отличий от соответствующих форм других удмуртских диалектов, за исключением первого плюсквамперфекта. Особенность акцентуационного характера наблюдается у глагольных форм с лично-притяжательными суффиксами *-m̃, -d̃, -z̃*, имеющих ударение на предыдущем этим суффиксам слог. Помимо соседних среднечепецкому диалекту севернудмуртских говоров (нижнечепецкого, верхнечепецкого) и бессермянского наречия подобный тип ударения в этих глагольных формах, как и в соответствующих им именных, отмечается и в территориально отдаленном южноудмуртском кукморском говоре (Кельмаков 1992а : 78; 1992б : 110). Поэтому вполне вероятно, что безударность лично-притяжательных суффиксов в указанных формах представляет собой рефлекс раннего состояния удмуртской акцентуационной системы.

Сокращения

Названия населенных пунктов: ВПар. — Верхние Парзи, ВУн. — Верхние Уни, Гул. — Гулеково Глазовского района, Кач. — Качкур Глазовского района, Кел. — Кельдыково, Кор. — Коротай, МЛуд. — Малый Лудошур, Пом. — Помяг, Пыш. — Пышкет, Тук. — Тукташ, УКар. — Удмуртский Караул.

ГСУЯ — Грамматика современного удмуртского языка. Синтаксис простого предложения, Ижевск 1970.

ЛИТЕРАТУРА

Загуляева Б. Ш. 1984, Сложные формы давнего прошедшего времени в некоторых удмуртских диалектах. — Вопросы грамматики удмуртского языка, Ижевск, 45—58.

- К е л ь м а к о в В. К. 1981, Образцы удмуртской речи. Северное наречие и срединные говоры, Ижевск.
- 1992а, К описательной и исторической фонетике бесермянского наречия. — Проблемы современной удмуртской диалектологии в исследованиях и материалах, Ижевск, 33—107.
- 1992б, Говор кукморских удмуртов в образцах речи. — Проблемы современной удмуртской диалектологии в исследованиях и материалах, Ижевск, 108—158.
- М а й т и н с к а я К. Е. 1979, Историко-сопоставительная морфология финно-угорских языков, Москва.
- Н а с и б у л л и н Р. Ш. 1981, О некоторых аналитических формах глагола в удмуртском языке. — Вопросы грамматики удмуртского языка, Ижевск, 38—44.
- П о з д е е в В. В. 1987, Критерии аналитических форм удмуртского глагола. — XVII Всесоюзная финно-угорская конференция. Языковедение. Тезисы докладов I, Устинов, 167—169.
- 1990а, Критерии аналитических форм удмуртского глагола. — Вопросы грамматики и контактирования языков, Ижевск, 18—27.
- 1990б, Структурные особенности аналитических форм удмуртского и немецкого глагола. — Вопросы грамматики и контактирования языков, Ижевск, 154—163.
- С е р е б р е н н и к о в Б. А. 1955, О природе прошедшего времени в пермских и мари́йском языках. — ЗУдмНИИ, вып. 17, Ижевск, 161—169.
- 1959, О действительном количестве глагольных времен в удмуртском языке. — ЗУдмНИИ, вып. 19, Ижевск, 93—103.
- 1960, Категория времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп, Москва.
- 1963, Историческая морфология пермских языков, Москва.
- 1978, О путях превращения одного микротипа в другой микротип (на материале мари́йского языка). — Историко-типологические исследования по финно-угорским языкам, Москва, 5—48.
- Т а р а к а н о в И. В. 1990, Основное направление развития морфологической системы пермских языков. — Материалы VI Международного конгресса финно-угроведов, Москва, 180—182.
- У ш а к о в Г. А. 1982, Сопоставительная грамматика русского и удмуртского языков, Ижевск.
- K ü n n а r, A. 1992, On the Analytical Past Tense Forms in the Uralic Languages. — LU XXVIII, 173—179.
- T a u l i, V. 1966, Structural Tendencies in Uralic Languages, London—The Hague—Paris (UAS 17).
- U o t i l a, T. 1933, Zur Geschichte des Konsonantismus in den permischen Sprachen, Helsinki (MSFOu LXV).
- W i c h m а n n, Y. 1893, Wotjakische Sprachproben I. Lieder, Gebete und Zaubersprüche. — JSFOu XI, I—XX, 1—199.
- 1901, Wotjakische Sprachproben II. Sprichwörter, Märchen, Sagen und Erzählungen. — JSFOu XIX, I—IV, 1—200.
- 1954, Wotjakische Chrestomathie mit Glossar, grammatikalischer Abriss von D. R. Fuchs, Helsinki.

LJUDMILA KARPOVA (Tartu)

COMPOUND PAST TENSE FORMS IN THE UDMURT MIDDLE-ČEPČA DIALECT

The article deals with the analysis of compound past tense forms in the Middle-Čepča (-Čupč) dialect of Udmurt spoken in Northern Udmurtia. The First Pluperfect, the Second Pluperfect, the Past Frequentative Tense and the Past Continuous Tense are the most widespread compound past tense forms. The use and the conjugation of these past tenses in the Middle-Čepča dialect are considered. Specific features are revealed in the conjugation of the First Plu-

